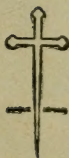

Surguchev, Il'ia Dmitrievich
ИЛЬЯ СУРГУЧЕВЪ

Émigrantskie razskazy

ЭМИГРАНТСКІЕ

РАЗСКАЗЫ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sêze, Paris (9).

ce emp
мрм 1-2

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СТАРИКОВЪ.

Въ Сень-Клу, въ нижнемъ паркѣ, — гдѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ строится ярмарка, — есть скромная, красная будка, на которой прибита вывѣска:

— Игра въ шары.

Неподалеку отъ этой будки, между деревьями, на расчищенной дорожкѣ, въ эти шары играютъ старички. Похожи они на тѣхъ старичковъ, которые тоненькими тенорками поютъ во второмъ дѣйствіи «Фауста». Игроковъ и постоянныхъ зрителей всегда бываетъ четырнадцать. Заскакиваютъ, конечно, и случайные зѣваки, какъ-то: загулявшій рабочій съ воспаленными глазами и крѣпкимъ перегаромъ изо рта. На такого старички смотрять съ завистью:

— Почки и печень въ исправности.

Иногда заходитъ влюбленный юноша съ блуждающими глазами, потрясенный тѣмъ, что она не пришла на свиданіе.

Тогда старички живо говорятъ между собой:

— Экій дуракъ!

— А все-таки жаль, что намъ такой глупости уже не испытать.

— Просилъ бы васъ говорить только о себѣ.

— А вы, Шевалье?

— Я о себѣ не люблю разговаривать.

— Не рисуйте, Шевалье, вамъ — 63 года.

— У моего отца въ 65 лѣтъ былъ ребенокъ.

— Тогда у васъ лошадиная порода, Шевалье.

Весь міръ составлень, какъ театральная труппа: любовники, комики, герои — резонеры, простаки, благородные отцы, неврастеники. Все умираетъ и отмечается. Не умираетъ только одна страсть: игра.

Одного старичка, того, что пощеголеватѣе, красить усы, носить бѣлыя брюки, зовутъ Шевалье, другого — Жозефомъ, третьяго — Коко и т. д. Думаю, что все это знаменитые французскіе рантье. Всю жизнь они, какъ Коперникъ, трудились, нажили къ 55 годамъ капиталъ или пенсію, и теперь живутъ на проценты, играютъ лѣтомъ въ шары, пьютъ виши и смиренно ждутъ смерти. Это — трупы, отпущенные въ отпускъ.

Одинъ изъ нихъ, по моимъ догадкамъ, служилъ въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, ибо всегда ужасается катастрофамъ и ругаетъ министровъ общественныхъ работъ. Другой былъ чиновникомъ Ліонскаго Кредита: всегда предсказываетъ денежные курсы. Третій торговалъ въ лавкѣ: развязень. Четвертый занимался аптечнымъ дѣломъ: отъ него пахнетъ клеенкой. Пятый — домовладѣлецъ: во время игры къ нему приходилъ сборщикъ, чтобы получить страховку.

Домовладѣлецъ: это — Коко.

Маленькій, сѣденькій, шустренькій, чистенькій, одѣтый въ синій костюмчикъ, онъ былъ игрокомъ самымъ слабымъ, но игру любилъ до самозабвенія: передъ тѣмъ, какъ пустить шаръ по землѣ, онъ страшно волновался, долго прицѣливался, озабоченно мѣнялъ мѣста, и, если не попадалъ, то всегда былъ потрясенъ внутренней бурей: красный, какъ ракъ, садился на свой стулъ, чмокалъ беззубыми челюстями и всячески старался скрыть свое волненіе.

Но, увы, партнеры были безжалостны, подтруниванье шло невыносимое, и тогда Коко яростно огрызался:

— Пожалуйста, безъ критики, — говорилъ онъ: — не забывайте, что изъ моихъ святыхъ Сильвестровъ можно сдѣлать девять недѣль.

И отворачивался въ сторону, явно страдая. Онъ былъ похожъ на поэта, которому возвратили рукопись.

Старики, какъ и дѣти, жестоки.

Особенно жестокъ былъ партнеръ въ канотье, съ деревянной ногой. Онъ былъ самый молодой среди нихъ, ветеранъ боксерскаго возстанія: когда какой-нибудь шаръ прикасался къ другому, онъ непременно заводилъ пѣсенку о пѣтушкѣ и курочкѣ.

Въ началѣ этого разсказа была допущена фигура умолчанія: въ числѣ постоянныхъ зрителей игры почти всегда бывалъ и я.

Что дѣлать? Одна талантливая актриса говорила мнѣ, что она не любитъ Сень-Клу, ей кажется, что и самый паркъ — нарочитый, и воздухъ въ немъ нарочитый и т. д. Но я, не мудрствуя лукаво, люблю этотъ огромный садъ, люблю отсутствіе въ немъ фруктовыхъ деревьевъ, люблю очаровательную поляну, на которой когда-то стоялъ охотничій павильонъ короля, люблю фонтаны, твердо вырѣзанные въ землѣ талантливой рукой, люблю и этихъ стариковъ, разгоряченныхъ недавнимъ завтракомъ и тайнствами игры.

Уже остыли темпераменты, плохо работаютъ желудки и печени, пошаливаетъ сердце. Видъ проходящихъ женщинъ не волнуетъ, вина безъ виши пить нельзя, волосы присыпаны мукою, коллекція видѣнныхъ лицъ — огромна, память перегружена, ревность смѣшна. Остался одинъ страхъ: не умереть съ голода. Поэтому старички — бережливы и скуповаты. Кому платить за проигранную партію — забота.

Прислонившись къ дереву, покуривая, я смотрю и на скромнаго Жозефа, и на достойнаго, породистаго Шевалье, и на мученика Коко, и даже запомнилъ мотивъ пѣсенки о курочкѣ и пѣтушкѣ.

Непріятно видѣть старика глупаго, но невыразимо очаровательно — видѣть старика, котораго волнуютъ превратности, искусство и счастье игры.

Однажды Коко сдѣлалъ на рѣдкость неудачный ко-
солапый ударъ: шаръ его стукнулся о дерево.

Кто-то крикнулъ:

— Зажгите спичку.

Другой поддержалъ:

— Зажгите свѣчку.

Третій, сказалъ невысоносимую вещь:

— Ему нужень цѣлый костеръ изъ сухой соломы.

Съ Коко сдѣлалось почти дурно, онъ выпилъ кофе,
которое всегда носилъ съ собой въ термосъ, вытеръ гла-
за и продолжать игру отказался, пояснивъ, что въ жел-
чномъ мѣшкѣ у него со вчерашняго дня проходятъ кам-
ни и онъ поэтому не можетъ отвѣчать за правильный при-
цѣлъ.

Произошло замѣшательство: не хватало игрока.
Компанию охватило уныніе. Началось совѣщаніе. Къ
совѣщавшимся подошелъ Коко и что-то посовѣтывалъ.
Я замѣтилъ, что Жозефъ и Шевалье одновременно и какъ
будто нечаянно взглянули на меня. Въ результатъ, съ
больной и довѣрчивой улыбкой, ко мнѣ подошелъ Коко.

— Monsieur, — сказалъ онъ, вѣжливо снимая кас-
кетку и показывая свою серебряную голову, — я и мои
друзья, хотя и незнакомы съ вами, но часто имѣемъ
удовольствіе видѣть васъ наблюдающимъ нашу игру. Сегод-
ня со мной случилось несчастье. Вчера на ночь я забылъ
принять обычную дозу прованскаго масла и сегодня въ
желчномъ пузырьѣ у меня началось безпокойство камней.
Не играете ли вы въ шары, и если да, то не согласитесь
ли вы замѣнить меня на сегодняшній день?

Я отвѣтилъ.

— Monsieur, я никогда не игралъ въ эту игру, я
не знаю ея правилъ, но, если случилось такое несчастье,
то, вы сами понимаете, какъ жестокъ тотъ человѣкъ, ко-
торый не приходитъ на помощь.

Коко пожалъ мнѣ руку и уже въ частномъ порядкѣ
я ему посовѣтовалъ принимать масло парафиновое, но

онъ отвѣтилъ, что это средство имъ уже испытано и не даетъ положительныхъ результатовъ.

— Температура у меня, — добавилъ онъ: — утромъ тридцать шесть одинъ, въ полдень тридцать семь три, а къ вечеру тридцать шесть восемь. Вотъ тутъ и живи.

— Туберкулезъ? — насмѣшливо сказалъ кто-то.

— Туберкулезъ, не туберкулезъ, — отвѣтилъ Коко: — а жить трудно. Голова не свѣжая и усталость.

— Ищутъ, ищутъ тебя, Коко, на томъ свѣтѣ.

— Пожалуйста, безъ критики, огрызнулся Коко, смиренно сѣлъ на свой полотняный стулъ и снова потянулъ изъ горлышка.

Я не зналъ игры и вообще мало былъ подготовленъ къ этому дѣйству, какъ любятъ говорить передовые русскіе режиссеры, но почтенный и медлительный Шевалье въ бѣлыхъ, слегка соскочившихъ брюкахъ, былъ изысканно вѣжливъ и указывалъ, во что нужно цѣлиться.

— Мы попали въ трудное положеніе, — объяснилъ онъ: — слѣдовало бы выбить отсюда вотъ этотъ шаръ, — и пальцемъ, на которомъ были ясные слѣды домашнего маникюра, онъ показалъ мнѣ, какой шаръ нужно выбить.

Я промѣрилъ разстояніе на глазъ, сталъ въ боевую позу, взвѣсилъ въ рукѣ чугуный битокъ, размахнулся, почувствовалъ на себѣ взгляды насмѣшливыхъ иностранныхъ глазъ и впился въ это покатоое разстояніе. Намѣченный шаръ трахнулся о загородку.

— О-о! — вырвалось изъ всѣхъ французскихъ сердецъ: — это ударъ!

Создалось неловкое молчаніе.

Ко мнѣ подошелъ Шевалье и опять, самымъ вѣжливымъ образомъ, освѣдомился:

— Вы дѣйствительно никогда не знали этой игры?

У меня была своя тайна, но я не хотѣлъ раскрывать ее сейчасъ.

— Увѣряю васъ: никогда! безъ какой бы то ни было лжи отвѣтилъ я.

Игра продолжалась и на девять ударовъ, мнѣ положенныхъ, я промазалъ всего два, о-о раздавалось все менѣе и менѣе довѣрчивое, но Коко смотрѣлъ на меня, какъ на кудесника, пришедшаго изъ невѣдомыхъ сранъ.

По окончаніи игры мы сидѣли въ кафе и пили аперитивы. Изъ разговоровъ я понялъ: мнѣ не вѣрили. Самое меньшее, если предположить: я самъ когда нибудь держалъ будку и тамъ наловчился.

Я сказалъ, поклявшись, что у насъ, въ Россіи, не знаютъ такой игры.

— Но откуда же у васъ такой бросокъ? Такой глазъ?
— задавалъ мнѣ настойчиво вопросы Шевалье.

— А, можетъ быть, у меня прирожденный талантъ?
— попробовалъ я отшутиться.

— Э, mon vieux, талантъ безъ работы даетъ малые результаты, а за вашими плечами чувствуется лѣтъ пять практики.

И тогда только я сказалъ ему о томъ, о чемъ самъ очень смутно и только въ послѣднія минуты сталъ догадываться.

— Мнѣ кажется,— сказалъ я:— что это отъ многолѣтней игры на русскомъ бильярдѣ...

— На русскомъ бильярдѣ?— недоумѣнно спросилъ Шевалье и подлил себѣ воды изъ сифона: — развѣ есть разница между вашими бильярдами и нашими?

О, счастливая, беззаботная юность! Только тотъ, кто прожилъ тебя студентомъ Россійскаго Императорскаго Университета, знаетъ, что такое настоящая юность! Столовка на Десятой линіи, Зоологическій садъ, Народный домъ, гдѣ за два пятака мы слушали Тартакова и Клементьева, ресторанъ «Яръ» съ шестью вѣнскими бильярдами, чайная «Манджурія», трактиръ Чванова съ органомъ, утренняя очередь у Маріинки, первые аккорды увертюры къ «Тангейзеру» въ потемнѣвшемъ и примолкшемъ залѣ, лучший въ Европѣ оркестръ въ 120 человекъ, гдѣ первую скрипку играетъ Ауэръ, а за первымъ пультомъ віолончели сидитъ Вержбиловичъ

и тихонько, сгорбившись на своемъ креслѣ, умирять тромбонистовъ Направникъ. Четвертый ярусъ за 37 копѣекъ въ Александринкѣ, несравненные актеры, чудесная русская рѣчь, старый буфетчикъ въ сводчатомъ фойѣ, наивная музыка Галкина въ длинныхъ антрактахъ.. Конка въ Галерную Гавань и пароходный перевозъ къ Мытинской набережной. Самыя роскошныя въ мірѣ набережныя и онѣ, чудесный, петровский, старый университетъ, девятая аудиторія, библіотекаръ по фамиліи Эпимахъ, навощенный полъ длиннаго коридора, и швейцарь, знавшій ваше имя и отчество, и пѣсня: «Тамъ, гдѣ Крюковъ каналъ»... и Варьете, и невидимыя волнующія нити, протянутыя къ Бестужевскимъ курсамъ, и отъѣздъ на Рождество домой съ тарифной скидкой въ одинъ цѣлковый, и борщъ въ Рязани, и бѣлыя таинственныя ночи, и извозчицы «Пожалте», и слегка влажная отъ снѣга «Виржевка», и линія серебряныхъ огней надъ Невскимъ въ ясный морозный вечеръ...

И вотъ я, какъ могъ, чужими гундосыми словами, началъ рассказывать старымъ французамъ изъ Сень-Клу о русскомъ бильярдѣ.

Несмотря на то, что я всѣми силами души презираю здѣшній карамбольный бильярдъ, карликовый, узенькій, ничтожный, какъ коробка спичекъ, построенный весь изъ расчета на аккуратность, прилизанность и осторожную ловкость, тѣмъ не менѣе, покрививъ душой, я сдѣлалъ ему нѣсколько холодноватыхъ комплиментовъ. Затѣмъ я перешелъ къ описанію русскаго бильярда, которому отдалъ не мало своихъ студенческихъ досуговъ. Съ сдержаннымъ волненіемъ я говорилъ о его величинѣ, объ этихъ великолѣпныхъ шести аршинахъ длины, на которыхъ не вотъ-то допнешься и сыграешь безъ машинки, о торнтоновскомъ сукнѣ безъ ворсы, о вязанныхъ лузахъ съ цвѣтными махрами, о силѣ и оттяжкѣ резиновыхъ бортовъ, о безукоризненномъ аспидѣ досокъ, выдержавшихъ провѣрку самаго капризнаго ватерпаса. Потомъ я перешелъ къ играмъ: въ шесть ша-

ровъ, къ ботифону и въ частности къ нашей знаменитой пирамидѣ. Я рассказывалъ какъ пятнадцать слоновыхъ блестящихъ шаровъ, при помощи треугольника, устанавливаются на одномъ концѣ бильярда и какъ сразу обнаруживается доблесть или ничтожество игрока, дѣлающаго первый ударъ. Я говорилъ объ эластичности, легкости и мягкой отчетливости шара слоноваго, и о тяжеловѣсности и грузности мастиковаго, о томъ, сколько нужно класть свинца въ ручку кія и почему это важно.

Порою мнѣ становилось тяжело во время рассказа. Въ концѣ концовъ передо мной сидѣлъ иной, чуждый намъ міръ, расчетливый, геометрически построенный, всегда съ ровной температурой.

Когда я говорилъ о знаменитомъ дворянскомъ ударѣ, Шевалье учтиво перебилъ менѣ:

— Это значитъ, что такъ играла ваша аристократія?

Надо было объяснить, что никакого классоваго начала здѣсь нѣтъ, что и сапожникъ, и актеръ, и протоіакопъ равно могли обладать дворянскимъ ударомъ: суть была не въ происхожденіи, а въ темпераментѣ, рискѣ, размахѣ, въ вѣрѣ въ счастье, въ высокія судьбы игрока.

Когда я говорилъ о томъ разсудительномъ ударѣ, который столь нескрываемо презирали русскіе маркеры и который назывался : съ «молитвовкой», то, во-первыхъ, это трудно было перевести по французски, а во-вторыхъ, мои собесѣдники переглянулись между собой и задумчивый Жозефъ выразилъ общую мысль, сказавъ:

— Боже мой, до чего простирается религіозность русскаго народа!

Тогда я слегка разгорячился и, перейдя на примѣры, показалъ имъ, что я сегодня игралъ съ ними дворянскимъ ударомъ, а они всѣ, кромѣ Коко, съ молитвовкой. Коко, послѣ такого отзыва, сейчасъ же поближе придвинулся ко мнѣ, заигралъ пальцами и высокомерно посмотрѣлъ на своихъ пріятелей.

Благодаря плохому знанію языка, я такъ и не могъ растолковать имъ, что обозначаетъ: играть на себя, шаръ

свѣсилъ ноги, что такое оттяжка, какъ можно клеить битокъ къ борту, почему восьмой шаръ называется бабушкинымъ наслѣдствомъ.

Передо мной сидѣли люди, которые за свою долгую жизнь хорошо узнали, что такое человѣческая любовь, человѣческое счастье, человѣческія отношенія, долгъ, совѣсть, вѣра въ Бога, въ республику, въ палату депутатовъ. Со мной сидѣли циники, которые въ обычной обстановкѣ отнеслись бы ко мнѣ какъ къ эмигранту, какъ къ литератору, т. е. къ человѣку, занимающемуся пустымъ дѣломъ. Я видѣлъ, какъ они осматривали мой костюмъ, мой галстухъ, мои башмаки, мои часы, мою шляпу, какъ все это они молча взвѣсили, рассчитали и сдѣлали выводы. Жизнь на землѣ для нихъ уже кончилась, осталось доживаніе и вмѣстѣ съ нимъ — жалкая робость разстаться съ этимъ чудеснымъ паркомъ и воздухомъ, рѣкой, солнечнымъ свѣтомъ, шумомъ фонтана, страхъ передъ темной и таинственной ямой, о которой сочинено столько вздора — и осталось только одно подлинное чувство, которое единственно не старѣетъ и не умираетъ до гроба: чувство игры. Передо мной сидѣли подлинные игроки, люди съ тѣмъ страннымъ и очаровательнымъ устремленіемъ воли, сердца и мысли, которое непонятно уравновѣшеннымъ публицистамъ, профессорамъ, сочинителямъ біографій и содержателямъ вѣшалокъ. Передо мной сидѣли люди, привыкшіе дразнить и искушать судьбу, предугадывать ея таинственные пути, вѣшивъ свои удачи на невидимыхъ и капризныхъ вѣсахъ, привыкшіе къ погонѣ за той птицей, которую зовутъ синей. Я видѣлъ это по ихъ слегка разгоряченнымъ глазамъ, по рукамъ, приставленнымъ къ уху, по особому уваженію ко мнѣ, какъ къ собрату изъ невидимыхъ и невообразимыхъ странъ, какъ члену одного и того же рыцарскаго ордена.

Потомъ я игралъ съ ними еще раза два. Разобравшись въ обстановкѣ, простой и ясной, я игралъ уже почти навѣрняка. При несоотвѣтствіи силъ, это становится неинтереснымъ и неэтичнымъ... Я выбылъ изъ круга и, убѣгая изъ парижскихъ душныхъ дней, пріѣзжалъ послѣ завтрака посмотрѣть, какъ работаютъ старички.

Однажды я замѣтилъ, что Коко — печаленъ и не разговорчивъ. Я спросилъ, не боленъ ли онъ.

Коко грустно отвѣтилъ:

— Я не боленъ, но мнѣ неловко въ вашемъ присутствіи срамить свою старость.

Тогда я прекратилъ свои посѣщенія и началъ ходить въ паркъ съ главнаго входа, мимо сторожа.

Одному своему пріятелю, жившему въ Вѣнѣ, я написалъ, чтобы онъ доставилъ мнѣ каталогъ фабрики Фрейберга, поставлявшего когда то бильярды для Россіи. Пріятель отыскалъ каталогъ, отпечатанный въ 1912 году, и прислалъ его заказной бандеролью. Съ этой драгоценностью я и направился въ кафе, гдѣ послѣ игры отдыхали старички. Съ жадностью, толкая другъ друга головами, набросились они на эти веленевыя странички съ изображеніемъ русскихъ бильярдовъ. Новый міръ еще болѣе придвинулся къ нимъ и мы до самаго обѣда сидѣли и рассказывали другъ другу исторіи о знаменитыхъ игрокахъ и карамболистахъ.

Когда ударилъ завѣтный часъ и хозяйка поставила на огонь кастрюли съ супомъ, Коко пошелъ проводить меня до порога. На конторкѣ онъ робко сказалъ мнѣ:

— Знаете, мой русскій другъ? Мы были вашими союзниками тридцать лѣтъ, но мнѣ кажется, что я только теперь начинаю смутно понимать, что такое Россія.

И, помолчавъ, добавилъ:

— И мнѣ кажется, что если я еще немного подумаю, то пойму, что такое русская революція.

И потомъ попросилъ подарить ему фрейберговскій каталогъ.

— Для коллекціи, — сказалъ онъ извиняющимся тономъ.

Когда я протянулъ ему брошюрку, онъ попросилъ сдѣлать на ней надпись и мы вошли въ закрытое помѣщеніе, чтобы попросить чернилъ.

Я написалъ на титульномъ листѣ:

— Милому Коко, представителю русскаго дворянскаго удара во Франціи.

И Коко, радостный и очень довольный, пригласилъ меня къ завтраку въ слѣдующее воскресенье.

Въ воскресенье выяснилось, что Коко — обладатель чудеснаго двухэтажнаго особняка, супругъ очень представительной и любезной дамы съ туго затянутой грудью, отецъ двухъ мужчинъ, уже солидныхъ и одинаково начинающихъ лысѣть.

Приглашеніе въ домъ неизвѣстнаго человѣка и притомъ иностранца было, очевидно, одной изъ причудъ отца и супруга. Накормили меня отлично, но изподтишка наблюдали, умѣю ли я ѣсть рыбу и какъ обойдусь съ виноградными косточками.

Когда все прошло благополучно и самое ударное искушеніе съ мокрой салфеткой миновало, заговорили о Россіи. Одинъ изъ лысѣющихъ людей спросилъ меня, дѣйствительно ли такъ хороши русскіе театры, какъ о нихъ приходится читать?

— Не только русскіе, — отвѣтилъ я: — но и французскій театръ, какой былъ у насъ въ Петербургѣ, долженъ быть поставленъ на второмъ мѣстѣ послѣ Comedie Francaise.

Не повѣрили. Переглянулись.

Заговорили о Петербургѣ.

Я сказалъ, что такихъ набережныхъ, какъ петербургскія, такихъ улицъ, какъ Невскій проспектъ, такихъ площадей, какъ Дворцовая и Сенатская, не воть-то много въ Европѣ насчиташь.

Отмолчались. Какъ разъ въ этотъ день въ домѣ первый разъ пустили паровое отопленіе. Что-то зашумѣло

въ радиаторахъ, слегка запахло краской и какъ то особенно почувствовался уютъ, прелесть дружной семьи, вѣками налаженные и сцѣпленные отношенія.

И тогда заговорилъ самъ Коко, слегка порозовѣвшій послѣ фды:

— А паровое отопленіе въ Россіи есть?

Я сказалъ, что парового отопленія въ Россіи нѣтъ.

— Ну, а какъ же вы устраиваетесь съ вашими холодами? — заинтересовалась хозяйка.

Я отвѣтилъ:

— На время холодовъ, на улицахъ зажигаютъ костры. Изъ всѣхъ домовъ тогда выходятъ люди и грѣются. Погрѣвшись, идутъ обратно и ложатся спать.

Переглянувшись, одобрительно улынулись и повѣрили.

Послѣ кофе Коко отвелъ меня въ кабинетъ, даль боковскую сигару и, какъ заговорщикъ, таинственно зашепталъ:

— Вы знаете, я сплю плохо и въ голову лѣзутъ разныя мысли. Отопленіе, вентиляція, телефоны — все это чепуха. Вы знаете, что я придумалъ.

— А что?

— Только вы никому не говорите, — и Коко придвинулся ко мнѣ ближе: — а что если въ Парижѣ, въ боковыхъ улицахъ Латинскаго Квартала, да открыть бы намъ съ вами кафе, да поставить бы тамъ три русскихъ настоящихъ билльярда? Какъ выдумаете, пойдутъ дѣла?

— Хо-хо! — отвѣтилъ я: — засыпаетесь деньгами!

— Дѣло не въ деньгахъ, — шепталъ Коко: — а вы понимаете, мнѣ хотѣлось бы поусовершенствоваться въ этомъ прекрасномъ ударѣ...

— Правильная мысль, — поддерживалъ я старичка.

— Боже мой, — шепталъ Коко: — какъ я понимаю, что такое Россія, какъ я начинаю любить вашу страну. Боюсь только, что дѣти и жена объявятъ меня больнымъ и посадятъ въ сумасшедшій домъ...

И глаза Коко налились тоской и истинной грустью...

Ясно, что свои тайны, самые откровенныя и самыя трогательныя довѣрялъ мнѣ игрокъ, испытатель судьбы и поэтъ, — самая интересная и необъяснимая загадка земной жизни.
